

В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-01-69-86

Александр Александрович ВЕРШИНИН

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Ломоносовский просп., 27-4, Москва, Российская Федерация, 119991
ORCID: 0000-0001-5206-8013

Французская общественно-политическая мысль о кризисе современной евроинтеграции

АННОТАЦИЯ. В центре внимания автора статьи находится современный общественно-политический дискурс во Франции о проблемах евроинтеграции. Анализируется один из его важнейших срезов – дискуссия, ведущаяся видными мыслителями, историками и философами. Французские интеллектуалы традиционно уделяли большое внимание проблематике построения единой Европы, видя в ней поле для политической, экономической и культурной экспансии Франции. Во второй половине XX в. видение французских перспектив стало неотделимо от оценки успешности проекта евроинтеграции. С точки зрения французских мыслителей, европейское сообщество стало некоей надстройкой над либерально-демократическими государствами, которая купировала риски их взаимодействия и открывала перед ними новые возможности для совместного развития. В то же время общие институты возникли как во многом временная конструкция. Французские комментаторы указывают на то, что под них не был подведен прочный политический фундамент. Это предопределило нынешний кризис. Проблема легитимности европейских институтов стала неразрешимой. Курс на их формирование вне поля единой

гражданственности с опорой на латентные процессы экономической интеграции фактически закрыл возможность создания супергосударства в виде федерации. «Постэтатистская» модель, базирующаяся на представлении о европейском гражданском обществе, осталась абстракцией. Механизмов перераспределения с целью образования единого социального поля в рамках Европы также не возникло. Выбор был сделан в пользу «ценностной легитимности», которая, по мнению французских комментаторов, создала лишь иллюзию стабилизации европейских институтов, действительно создав предпосылки для их демонтажа в будущем. Большинство французских интеллектуалов солидарны в критических оценках перспектив ЕС. Их оценки последних кризисных явлений внутри сообщества разнятся лишь в точке зрения на проблему. Еврооптимисты остаются в меньшинстве, в то время как евроскептики ведут дискуссию о том, какие меры необходимо предпринять для перестройки ЕС. Некоторые из них приходят к выводу, что этот вопрос необходимо рассматривать в увязке с реформированием современного либерально-демократического государства как такового.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Франция, французская общественно-политическая мысль, Европейский Союз, евроскептицизм, Брекзит, миграционный кризис в Европе, конституция ЕС

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вершинин А.А. (2017). Французская общественно-политическая мысль о кризисе современной евроинтеграции. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (1). 69–86. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-69-86

Under Discussion

Alexander A. VERSHININ

Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
27-4, pr. Lomonosovskiy, Moscow, Russian Federation, 119192
ORCID: 0000-0001-5206-8013

French Political Thought about the Crisis of the Modern Model of Eurointegration

ABSTRACT: *The primary focus of the paper is on the contemporary sociopolitical discussion in France about the problems of European integration. One of its key aspects, the debate among the eminent thinkers, philosophers and historians, is analyzed. The French intellectuals always emphasized the problem of the united Europe building considering the continent as the field for the France's economic, political and cultural expansion. Since the second half of the XXth century the vision of the country's future has been inherent in the European project's realization. From the French thinkers' point of view the European community turned into a kind of superstructure over the liberal democratic states that neutralized the risks of their interaction as well as opened the prospects for mutual development. At the same times these institutes were a sort of temporary construction. The French commentators point out that from the very beginning they had no the firm political foundation. This preconditioned the current crisis. The problem of the legitimacy of the European institutions turned out to be insoluble.*

The idea to construct them beyond the field of the common nationhood on the ground of latent economic integration removed the possibility to create a kind of superstate in the form of federation. The post-statist model based on the idea of European civil society remained nothing but the abstraction. The mechanisms of the redistribution that could help creating the united social field are absent. The choice in favor of the so called value legitimacy was made that to the French thinkers' mind produced an illusion that the European institutions can be stabilized. In fact this laid the groundwork for their deconstruction in the future. The most of the French intellectuals are united in the pessimism as of the EU's prospects. Their evaluations of the latest signs of the crisis only vary in what concerns the point of view on the problem. The eurooptimists remain in minority while the eurosceptics are debating the measures that should be taken in order to reconstruct the EU. Some of them come to conclusion that this question should be regarded as part of the reforming of the contemporary liberal democratic state as such.

KEYWORDS: *France, French political thought, European Union, euroscepticism, Brexit, European migrant crisis, European Constitution*

FOR CITATION: Vershinin A.A. (2017). French Political Thought about the Crisis of the Modern Model of Eurointegration. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (1). 69–86. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-69-86

В начале XXI в. тема перспектив евроинтеграции стала одной из ключевых проблем для французских мыслителей. «Европейский горизонт», собственно, всегда оставался для них важным ориентиром. О европейском единстве писали едва ли не все те, кто во Франции за последние три столетия рассуждал о политике, – от аббата де Сен-Пьера и Вольтера до Наполеона и де Голля. По точному замечанию современного автора, «французы верят, что обязаны думать не только за себя, но и за весь остальной мир» (Nazareesingh, 2015, p. 6). Национальные рамки слишком узки для французского мышления. Его неизменно тянет к универсальным обобщениям, и Европа здесь именно тот «уровень», на котором оно максимально раскрывает свой потенциал.

Но кроме этого существует и еще одно обстоятельство. Мысля универсалистски, французы тем не менее остаются под мощным влиянием национальной идеи. Франция, выражаясь словами Ж. д'Ормессона, – «это больше, чем нация»¹, однако национальное измерение отнюдь не снимается в рамках присущего французскому мышлению глобального взгляда на мир. Напротив, оно наполняет его особым ценностным содержанием

и формирует основу того, что можно назвать «французскостью» (francité). Француз одновременно и национален, и универсален. Возникающее здесь противоречие порождает особое отношение к окружающей социальной и политической реальности. Как отметил тот же д'Ормессон, «стремиться оставаться собой, пытаясь одновременно открыться другим, – нелегкая задача».

Отсюда вытекают две крайности, присущие французскому взгляду на мир – мессианство и декаданс. Франция может либо доминировать, играя особую роль в мировых делах, либо деградировать. Французский XX в. наглядно отразил эту дилемму. Страна вступила в новое столетие, будучи уверенной в собственном высоком предназначении. Париж был столицей мира. Управляемая из него колониальная империя занимала обширные территории в Африке и в Азии. Достижения французской науки и культуры имели мировое значение. Оптимизм «прекрасной эпохи» во всей своей полноте проявился в 1914 г., когда тысячи молодых людей в порыве патриотизма отправились на фронт «ради славы Франции, хранительницы чести цивилизованного мира» (Winock, 2006, p. 136).

Все изменилось в межвоенный период. Победа в Первой мировой войне оказалась пирровой. Ее последствия нанесли сильнейший удар по самосознанию французов. Накануне 1914 г. патриотизм был общим чувством, вдохновлявшим интеллектуалов. После 1918 г. он не просто вышел из моды. Пришедший ему на смену национализм фактически закрывал для Франции глобальную перспективу. Универсализм Просвещения, неотъемлемая часть французской политической культуры на протяжении всего XIX в., прино-

¹ Être Français, selon Jean d'Ormesson. URL: http://www.lepoint.fr/societe/etre-francais-selon-jean-d-ormesson-13-01-2011-129480_23.php (Accessed 31.03.2017)

сился в жертву узкому пониманию национального интереса. «Мы судим обо всем с точки зрения Франции» (Barrès, 1925, p. 84), – эти слова М. Барреса прозвучали как кредо мощного течения в общественно-политической мысли. Альтернативой ему выступало новое издание универсалистской парадигмы в виде коммунизма. Однако в рамках этой идеологии на роль «хранительницы чести цивилизованного мира» претендовала совсем другая страна.

Катастрофа 1940 г. стала для французских интеллектуалов моментом истины. Многих из них мышление «с точки зрения Франции» привело к коллаборационизму и как следствие – к полному моральному фиаско. Другие начали искать пути выхода из тупика и пришли к выводу о том, что новый поворот к универсализму неизбежен. Речь шла о формировании интеллектуального конструкта, в рамках которого Франция могла бы преодолеть кризис идентичности. «Не будем себя обманывать, – написал в 1947 г. Р. Арон, – идея европейского единства в первую очередь является концепцией рационального человеческого выбора, а не порождением массового чувства» (Larrarent, 2009, p. 40). Этот выбор напрашивался уже в годы Второй мировой войны. На философском уровне его обосновывали левые мыслители, яснее других понимавшие причины краха 1940 г. Л. Блюм, политик и интеллектуал, в застенках режима Виши писал, что «будущая Европа, если она не хочет вновь погрузиться в хаос войны, непременно должна организоваться в рамках образования, более широкого, чем нация» (Blum, 1971, p. 160).

Франция, пояснял Блюм, не должна опасаться за свой суверенитет: «Если нации объединятся и организуются в сообщество, то останутся такими, какие они есть, такими, какими их создала история и традиции, с их особыми вкусами, предпочтениями, оригинальным темперамен-

том и спецификой». Более того, французы будут иметь здесь важное преимущество, ибо «это сочетание патриотизма и общечеловеческого духа более естественно и привычно для француза, чем для любого другого гражданина мира. Франция со своим особым характером всегда видела и сейчас видит благородную необходимость думать и действовать ради достижения всеобщих целей» (Blum, 1971, p. 162). Объединенная Европа будет неизбежно нести на себе отпечаток «французскости», а сам французский дух обретет новую форму для реализации. В XVIII в. говорили, что «каждый европеец сегодня является французом» (Hampson, 1968, p. 146). Проект послевоенной евроинтеграции должен был вернуть эту идею к жизни.

Во второй половине XX в. судьбы Франции и объединенной Европы срослись воедино. Париж поставил на карту евроинтеграции гораздо больше, чем экономические и политические расчеты. Самосознание французов, их представление о своем месте в мире оказались неразрывно связаны с успехом европейского проекта. Неудивительно, что его сегодняшний кризис, который, видимо, является наиболее глубоким за всю историю единой Европы, тревожно отзывается в дискуссиях французских интеллектуалов. Все они, вне зависимости от политических предпочтений, признают наличие проблемы. Однако кризис рассматривается ими на разных уровнях: антропологическом, философском, институциональном. Различна и трактовка дальнейших перспектив интеграционного проекта. Целью данной статьи является обзор и обобщение этих мнений. В фокусе внимания находятся авторы, позиции которых наиболее репрезентативны с точки зрения понимания всей совокупности взглядов на нынешний кризис, сформулированных во французском интеллектуальном поле.

Корни проблемы

В 1992 г. на страницах французской академической печати произошел примечательный обмен мнениями по поводу перспектив европейской интеграции. В дискуссии вступили философы П. Тибо и Ж.-М. Ферри. Тогда евроскептицизм еще не вошел в моду. Напротив, после краха социалистического лагеря и подписания в 1992 г. Маастрихтского договора об учреждении Европейского союза (ЕС), как казалось, имелись все основания для оптимистического взгляда на будущее Старого Света. Тем более громко прозвучал тогда диагноз, который П. Тибо поставил проекту современной евроинтеграции: в том виде, в котором идея европейского единства реализовывалась после Второй мировой войны, она не имеет перспективы. Подход к строительству общих институтов, предложенный Ж. Монне, страдал, с точки зрения Тибо, важным недостатком. Акцент на экономической интеграции привел к перекосу всей модели в сторону поощрения «современного индивидуализма в ущерб гражданскому чувству» (Gilles, Ferry, Thibaud, 1992, p. 950).

Благодаря объединению экономик европейцы стали лучше жить. Их социальные и экономические права наполнялись новым содержанием: они могли рассчитывать на лучшую работу с более высокой заработной платой, свободно перемещались и инвестировали, качество их жизни заметно выросло. Однако эти новые права и возможности не порождали общих гражданских обязанностей. Без обязанностей нет ответственности, а без ответственности и единого гражданского чувства деградирует политика. Тибо рассуждал в старой токвилевской традиции.

Экономика сама по себе не работает на консолидацию демократического общества. Она генерирует мощные центробежные тенденции, которые необходимо купировать (Токвиль, 1992, с. 390–392). Применительно к Америке Токвиль говорил об особой роли религии как механизма общественной консолидации. Тибо в 1992 г. специально подчеркивал: Европа до сих пор не нашла за пределами отдельных наций того фундамента гражданственности, на который бы могло опираться ее единство.

Эти мысли тогда прозвучали как элемент «красивой философской дискуссии», как выразился ее модератор П. Розанваллон. Однако десятилетие спустя они получили совсем иную коннотацию. В преддверии референдума по вопросу о принятии Конституции ЕС в 2005 г. идеи, некогда высказанные Тибо, оказались включены в контекст острых политических дебатов, которые разделили французских интеллектуалов. За 1990-е гг. они не только не ушли в прошлое, но оформились с большей определенностью. Лагерь сторонников «Европы наций» пополнился теми, кто не хотел дальнейшего расширения ЕС, включения в него стран Восточной Европы и Турции. Сторонники углубления евроинтеграции упрекали своих оппонентов в косности мышления, нежелании «выйти из парадигмы холодной войны ради осмысления реалий глобализации»². Французское «нет» на референдуме 2005 г. поставило и тех, и других в новые условия. Споры, до сих пор остававшиеся в той или иной степени отвлеченными, перешли в политическую сферу. Перед интеллектуалами встала новая задача – объяснить причины кризиса проекта евроинтеграции, в существовании которого теперь не оставалось никаких сомнений.

2 Les intellectuels français entre un oui critique et un non hésitant. URL: http://www.lemonde.fr/europe/article/2005/03/29/les-intellectuels-francais-entre-un-oui-critique-et-un-nonhesitant_632679_3214.html (Accessed 31.03.2017)

На сегодняшний день французская общественно-политическая мысль предлагает ряд ответов на этот вопрос. Они не столько по-разному трактуют предпосылки сбоев в проекте создания единой Европы, сколько высвечивают несколько уровней проблемы. Ключевым из них остается тот, о котором еще в 1992 г. говорил П. Тибо. Кризис сегодняшнего ЕС – это, прежде всего, кризис легитимности всей той социально-политической модели, которая сформировалась в Старом Свете после краха коммунизма, а в основе своей – после Второй мировой войны. Этот сюжет в ряде работ подробно разбирали политические философы, которые развивают подходы, обозначенные еще 150 лет назад А. де Токвилем. Помимо П. Тибо среди них выделяются имена уже упомянутого П. Розанваллона и М. Гоше. Перипетии евроинтеграции они предлагают рассматривать в связке с большой темой упадка современной европейской демократии.

В свое время запуск процесса европейского объединения стал ответом на глубокую деградацию демократических институтов в межвоенный период. М. Гоше так определил ее смысл: «Представительный режим не поспевал за изменениями общественного организма, которым он должен управлять и волю которого выражать» (Gauchet, 2007, p. 170). П. Розанваллон поясняет: «Первоначальное представление о парламенте как о средоточии общественного разума, в котором гласно обсуждались бы вопросы общественной пользы, фактически свелось к системе торга по поводу частных интересов» (Розанваллон, 2015, с. 7). Со второй половины XIX в. после перехода ведущих стран Запада к всеобщему избирательному праву парламентские политические системы прочно опирались на демократическую санкцию. Но они категорически не справлялись с теми вызовами, которые перед ними ставила эпоха современного социально-

экономического развития. Общественные отношения усложнились настолько, что их стало невозможно полноценно регулировать в рамках затянутых непрозрачных парламентских процедур. Зависимые от партий правительства не могли оперативно реагировать на проблемы принципиально нового свойства, будь то необходимость решения рабочего вопроса или контроль над целыми отраслями промышленности.

Дилемма «демократия или эффективность» казалась неразрешимой для западных представительных режимов. «Никто не мог сомневаться в том, – отмечает М. Гоше, – что привлекательность тоталитарных режимов во многом основывалась на их противопоставлении лжи и бессилию анонимного либерального представительства» (Gauchet, 2010, p. 624). Преодолеть это противоречие, грозившее самому существованию либеральной демократии, можно было лишь одним способом – разведя институционализирующую и регулирующую функции современного демократического государства, сохранив при этом его политическое единство. Это удалось сделать в рамках современного европейского социального государства.

Послевоенный либерально-демократический синтез фактически создал новую государственность, опиравшуюся на двойную легитимность. Демократическая санкция закрепляла императив коллективной воли нации в виде волеизъявления ее большинства, на который в своей деятельности опирались парламентские политики. При этом государство брало на себя новую управленческую функцию, которой до сих пор избегало. Государство-регулятор отныне задавало те рамки, в которых развивались социально-экономические процессы, что-то администрируя непосредственно, но в основном формулируя общие правила игры. Исполнительная власть не толь-

ко серьезно усилилась, обретя самостоятельную субъектность. Под нее был подведен фундамент новой легитимности – содержательной, как ее определил П. Розанваллон. «Речь шла, – пишет он, – о достижении общей полезности на основе преимуществ научного управления. Таким образом, были модернизированы и возвращены в демократическую сферу давние идеалы рационального правления и позитивной политики, в соответствии с которыми, со времен Просвещения и Огюста Конта, общественное благо рассматривалось отдельно от партийных пристрастий» (Розанваллон, 2015, с. 8).

При этом под ударом оказалось узкое понимание нации как антипода демократии, которое пустило корни в Европе после Первой мировой войны. Националисты активно использовали бессилие представительных режимов в политических целях, а их наиболее экстремистски настроенный отряд, нацисты, под соответствующими лозунгами пришел к власти в Германии и, развязав войну, вверг Старый Свет в катастрофу. Именно поэтому перестройка европейской государственности после 1945 г. шла рука об руку с преодолением последствий национализма в политике. «Опустошение, постигшее Европу в результате разгула национальных страстей, – пишет П. Манан, – естественным образом породило желание окончательно похоронить национализм, вырвать его корни, постепенно отменив национальную форму, слив европейские нации в новое политическое тело – Европейское сообщество или Европейский союз» (Манан, 2004, с. 101).

Таким образом, современная европейская либеральная демократия и проект евроинтеграции возникли одновременно и имели во многом общие предпосылки. На национальном уровне исполнительная и законодательная власти эффективно уравнивали друг друга. В рамках Европы единые институты дополни-

тельно купировали бы разрушительные импульсы, которые мог породить новый кризис либерально-демократической государственности. Однако, как подчеркивают французские мыслители, изначально не было понятно, что в политическом смысле должна представлять собой единая Европа и в принципе целесообразно ли превращать ее в единое политическое тело. П. Тибо считает, что, по мнению инициаторов евроинтеграции, политическая составляющая должна была возникнуть естественным путем, «сама собой»: «Политическое единство Европы считалось не самостоятельной задачей, а естественным продуктом рыночной «механики». Архитекторы объединенной Европы неизменно полагали рынок исходной точкой проектов, выходящих за рамки экономики» (Тибо, 2007, с. 45).

П. Манан развивает эту мысль. В рамках проекта интеграции европейцам изначально предложили специфическую модель, которая предполагала примат идеи индивида над идеей гражданина. Объединение «снизу» расширяло права индивида и те возможности для самореализации, которые перед ним открывались. Однако это размывало его национальную идентичность. П. Манан констатирует: «В результате элементы, из которых складывается конечный результат, становятся все более разнородными и чуждыми гражданам всех заинтересованных стран... Индивид имел бы, таким образом, набор идентичностей, в их числе и национальную, подобно тому как он имеет портфель акций; у каждого была бы палитра идентичностей, как у художника – палитра красок» (Манан, с. 103–104). Таким образом, возникало представление о «Европе-цивилизации» как о пространстве правил, «предоставляющих огромные возможности индивидам». Однако здесь же возникал вопрос, который в 1992 г. прямо поставил П. Тибо: как долго человеческие суще-

ства могут жить вместе, не принадлежа к одному политическому телу? Ведь физическое сближение равных индивидов не обязательно означает ликвидацию некогда разделявших их противоречий. Без наличия некоего общего знаменателя оно может привести и к усилению трений между людьми и целыми нациями.

Проблема легитимности

Идея о простой «полезности» общеевропейской надстройки над национальным либерально-демократическим государством понятна на теоретическом уровне, но трудно совмещается с принципом легитимности власти. Ставка на то, что экономическая интеграция сделает всю работу, выглядела достаточно спорной. Современный германский философ Н. Больц отмечал: «Экономика современного общества чрезвычайно сложна и абстрактна; ей не хватает чувствительности, именно поэтому ее невозможно полюбить. Известный тезис Фридриха фон Хайека о том, что свободный рынок является величайшим изобретением в истории человечества, оставляет всех равнодушными. Наблюдается острая потребность в чувствительности, необходимость в эмоциональном насыщении современного общества» (Больц, 2014, с. 6–7). Речь идет о давней проблеме, которую концептуализировал еще М. Вебер. Принцип рационального доминирования, которое воплощается в том числе через рыночные механизмы, сам по себе не порождает необходимой легитимности. Ему необходима «подпорка» в виде традиционной или харизматической власти (Гайденко, Давыдов, 2010, с. 90–91).

Нация обладает харизмой, которая выражается через ее коллективную волю. На уровне национального государства она обеспечивает бюрократии необходимую ей санкцию, дополняющую императив общего блага. Однако для того, чтобы возникла коллективная воля, необходимо ее субъект – сама нация как сообщество равных индивидов, осознающих себя политическим единым целым. В Европе она возникла далеко не сразу. От теоретических построений Ж.-Ж. Руссо до формирования прочных национальных государств XX в. был пройден большой путь. Важнейшей ипостасью нации, поясняет П. Розанваллон, является демос – сообщество граждан, равных перед законом, ощущающих себя равными друг другу и объединенных этим эгалитарным чувством (Розанваллон, 2014, с. 322). Для его формирования необходимо не только чувство единства проживания на одной территории и формальное равенство гражданских статусов. Ключевую роль играет фактическое равенство в доступе к благам, создающимся нацией. Европейские нации консолидировались лишь после того, как государству удалось ликвидировать наиболее вопиющие проявления неравенства за счет перераспределения национального дохода в пользу обездоленных слоев населения. Финальная стадия этого процесса пришлось на все те же послевоенные десятилетия, когда «завоевание социальных прав оказалось тесно связанным с реконструкцией чувства национальной принадлежности»³.

Европейского демоса не существует, и едва ли он может возникнуть. Создание общеевропейского механизма перераспределения не входило в задачи единых институтов сообщества, но даже если бы такая цель была поставлена, едва ли они

3 Balibar E. Un nouvel élan, mais pour quelle Europe? URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/2014/03/BALIBAR/50208> (Accessed 31.03.2017)

смогли бы достичь ее с большей эффективностью, чем национальные государства (Rosanvallon, 2002, p. 96). П. Бурдьё в 1999 г. видел залог будущего единства Старого Света в создании общеевропейского движения за защиту социальных прав граждан⁴. Однако проект «Социальной Европы», предложенный на заре 1990-х гг. Еврокомиссией под руководством Ж. Делора, так и остался благим пожеланием. Выбор был сделан в пользу поощрения экономической интеграции и движения в сторону единой валюты. Оно должно было консолидировать европейское гражданское общество как некую сферу, которая заменит собой нацию в качестве формы развития политической жизни.

Это предположение опиралось на идеи Ю. Хабермаса, которые разделяла и часть французского интеллектуального сообщества. Ж.-М. Ферри, оппонент П. Тибо по дискуссии 1992 г., предлагал вообще отказаться от рассмотрения ЕС как политического сообщества. Европейское гражданское общество, по его мнению, представляет собой новую рамку для развития демократии, альтернативную национальному государству: между «расширением сферы [гражданских] обменов и более полной реализацией демократического идеала» не существует принципиального противоречия (Gilles, Ferry, Thibaud, p. 950). Для Ж.-М. Ферри власть не тождественна суверенитету. Он вообще выступает против того, чтобы описывать желаемую политическую реальность ЕС с помощью соответствующих категорий. Европа не должна рассматриваться как некое потенциальное супергосударство. Наоборот, в ее рамках будет изжит старый этатизм и возникнет новая, «постэтатистская»

перспектива развития, смысл которой точно отразил П. Манан – «организация без управления» (*s'organiser sans se gouverner*) (Manent, Paoli, Crépu, 2011, p. 70). Граждане европейских стран по умолчанию являются гражданами Европы, поэтому общеевропейская политика не только возможна, но и должна реализовываться вне рамок национальных государств, причем при минимальном участии наднациональной бюрократии⁵. Европейская политика – это политика децентрализации и диверсификации, субъекты которой – автономные элементы единого гражданского общества.

Большинство современных французских мыслителей скептически относятся к идее постэтатистской Европы. Еще на заре 2000-х гг. П. Розанваллон резко критиковал тезис о «новом гражданском обществе, которое наконец заменит собой политическую сферу»: «В трогательной апологетике международного гражданского общества вместе сходятся наивные представители неправительственных организаций, леваки, обращенные в гуманизаризм, и владельцы транснациональных компаний. К сожалению, утопии одних не отличить от лжи других» (Rosanvallon, p. 95). Понятие гражданского общества неотделимо от категории общего интереса. Но каково реальное содержание последней в европейских условиях? В ситуации отсутствия единого политического поля и представления о коллективной воле ее можно описать лишь в виде самых общих принципов. Таким образом, в европейскую политику входит категория «универсальных ценностей».

Ценностное измерение европейской интеграции возникло с началом самой интеграции. Идея поддержания мира, соб-

4 Bourdieu P. Pour un mouvement social européen. URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/1999/06/BOURDIEU/3080> (Accessed 31.03.2017)

5 Entretien avec Jean-Marc Ferry: autour de la République crépusculaire. URL: <http://actuphilosophia.com/spip.php?article307> (Accessed 31.03.2017)

ственно, была ее мировоззренческой основой и достаточно долго служила целям легитимации интеграционного проекта. Во имя мира можно сотрудничать, но едва ли – объединяться. На определенном этапе развития европейского проекта, а именно с момента подписания Маастрихтских соглашений, его ценностная составляющая начала не только сильнее акцентироваться, но и значительно усложняться. Был дан старт процессу формирования европейской идеологии как всеохватывающей системы символических императивов и самого фундамента легитимности сообщества. Положенные в ее основу «общечеловеческие ценности» казались настолько очевидными, что сами по себе должны были обосновывать историческую безальтернативность интеграции.

Э. Балибар сетует на то, что на рубеже 1980–1990-х гг. евроинтеграция свернула в неверном направлении. Приняв на вооружение неолиберальный дискурс, ее операторы подорвали тот фундамент, на котором после Второй мировой войны начало возводиться здание объединенной Европы. Балибар отмечает: «Возможность преодоления исторического антагонизма в рамках постнациональной конструкции и принципа разделения суверенитета предполагала слияние государств, по крайней мере ситуационное, в трех отношениях: в том, что касалось объединения их потенциалов, уравнивания шансов на доступ к ресурсам и взаимного признания их прав. Между тем триумф принципа конкуренции привел к постоянному росту диспаритетов»⁶.

По мнению Э. Морена, этот поворот был закономерен в ситуации краха социалистического лагеря, который десятилетиями воплощал собой альтернативу проекту европейской интеграции⁷. В любом случае начавшаяся после 1991 г. идеологизация европейского проекта стала важнейшим фактором его нынешнего кризиса.

П. Манан пишет об одном из ее последствий: «Адепты [европейской] идеологии, действующие лица или комментаторы за реальностью наций якобы видят «реальность» Европы. И они преисполнены искреннего негодования против тех, кто отказывается видеть эту «реальность». Но этой «реальности» не существует»⁸. «Общечеловеческие ценности», к которым активно апеллируют сторонники углубления евроинтеграции, пытаясь сделать их фундаментом легитимности всего проекта, представляют собой чисто умозрительную конструкцию, практически не укорененную в социальной действительности европейских обществ. Однако за них цепляются тем отчаяннее, чем более очевидным становится вакуум власти в рамках сообщества. Отрицать существование «общечеловеческих ценностей» как политического ориентира – недопустимая ересь.

Но это далеко не все. Европейцам предлагается не просто оторванный от реальности ценностный катехизис. «Универсальность», которая выдается за центральный фактор его легитимности, фактически обезоруживает Европу перед лицом внешнего мира. «Европа, – отмечает П. Манан, – считает себя началом человеческого единства и путем к

6 Balibar E. Un nouvel élan, mais pour quelle Europe? URL: <https://www.mondediplomatique.fr/2014/03/BALIBAR/50208> (Accessed 31.03.2017)

7 Que reste-t-il de l'universel europeen? Edgar Morin et Paul Thibaud. URL: http://www.liberation.fr/planete/2009/11/27/que-reste-t-il-de-l-universel-europeen-edgar-morin-et-paulthibaud_595941 (Accessed 31.03.2017)

8 Pierre Manent: "Les gouvernants ne nous représentent plus, ils nous surveillent". URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/07/31/31002-20160731ARTFIG00107-pierre-manentles-gouvernants-nous-representent-plus-ils-nous-surveillent.php> (Accessed 31.03.2017)

преодолению всех традиционных форм [политического] посредничества, в частности нации... Речь идет о своего рода неизменном человечестве, объединяющем всех и каждого без различия особенностей, которое не дает никакого основания для политического посредничества... В результате мы получаем Европу, которая с политической точки зрения сегодня меньше представлена в мире, чем Англия или Франция 50 лет назад» (Manent, Paoli, Сгéри, р. 71). При этом ухудшение международных позиций объединенной Европы – не единственное последствие этой опоры на «универсальные ценности». «Претендуя на универсальность, мы не в состоянии ответить на вызов со стороны иных, – констатирует П. Тибо. – Эта претензия приводит к тому, что мы сами себя делаем обвиняемыми: китайцы могут упрекать нас в протекционизме, мусульмане – в нетолерантности, причем не ощущая себя обязанными практиковать те принципы, которые мы сделали для себя обязательными к соблюдению»⁹.

Пытаясь укоренить свою легитимность в «универсальных ценностях», Европа загоняет себя в ловушку. Потоуги выйти из тупика за счет акцентирования внимания на идее культурного единства европейского пространства также не имеют эффекта. На поверку категория европейской культуры оказывается гораздо более разнородной, чем принято считать. «Мы в этом убедимся, если разложим понятие «европейская культура» на его составляющие. Тогда мы увидим, что либо рассматриваемое явление, скорее, разделяет европейцев, чем объединяет их, либо действительно объединяет европейцев между собой, но одновременно также и с многочисленными народами за пределами Европы» (Манан, с. 107).

Европейская наука и искусство, христианская религия, даже сама демократия в том ее виде, в каком она зародилась в Старом Свете, уже не являются исключительно достоянием Европы. Роль авангарда всего «свободного мира» европейцы давно уступили Соединенным Штатам Америки.

В результате приходится констатировать, что «Европа – это субстанция, которая существует под покровом национальных фактов, это вещь-в-себе, постоянно присутствующая под покровом национальных феноменов» (Манан, с. 107). Сколь бы ни желали адепты углубления евроинтеграции преодолеть влияние национального фактора, им это не удастся. Само понятие единой Европы до сих пор является результатом национальных коллективных волей, а сам ЕС по-прежнему тесно связан с политическим процессом в странах-членах. Однако французские политические философы указывают на то, что и здесь единая Европа сталкивается с мощным вызовом: на рубеже XX–XXI вв. под ударом оказалась легитимность либерально-демократического национального государства.

П. Розанваллон пишет о процессах «денационализации демократических государств» – набирающем темп распаде единой социальной ткани, которая в XX в. связала воедино европейские общества. «Рост разного рода неравенств является одновременно признаком и движущей силой этого раскола. Действуя исподволь, неравенство приводит к незаметному распаду не только социальных связей, но и солидарности», – отмечает он (Розанваллон, с. 8). Более или менее масштабный отказ западного государства от тех регулирующих функций, которые оно взяло на себя после окон-

⁹ Que reste-t-il de l'universel europeen? Edgar Morin et Paul Thibaud. URL: http://www.liberation.fr/planete/2009/11/27/que-reste-t-il-de-l-universel-europeen-edgar-morin-et-paul-thibaud_595941 (Accessed 31.03.2017)

чания Второй мировой войны, привел к резкому росту социального неравенства, который, в свою очередь, запустил «различные механизмы обособления, сепаратизма» внутри общества. Демос в европейских странах стал быстрыми темпами распадаться на отдельные фракции со своим собственным публичным интересом. Под ударом оказалась нация как политическое единое целое.

Эти тенденции имеют множество проявлений, однако центральная из них – деградация представления о политике как процессе практической реализации коллективной национальной воли. 15 лет назад тот же Розанваллон говорил об этом в более нейтральных выражениях: «Эмансипация и рост влияния гражданского общества вызывают сегодня чувство упадка политического» (Rosanvallon, p. 89). В преддверии избирательной кампании 2017 г. во Франции философ вынужден говорить о глубоком кризисе самой демократической модели. Между обществом, вернее, тем конгломератом социальных идентичностей, который сейчас определяется этим понятием, и элитами возник широкий разрыв. Схожим образом, но под углом зрения левой общественно-политической мысли причины кризиса современной европейской демократии поясняет Э. Балибар: «Гражданское измерение нации разрушается (или деградирует до состояния популизма с его идеей отвержения чужаков), когда государство в действительности начинает функционировать не как средоточие социальной гражданственности, а как бессильный зритель ее упадка или как активно используемый инструмент ее демонтажа»¹⁰.

Нация перестает видеть в своих избранных из рядов элиты, будь то отдельные политики или целые партии, легитимных операторов власти. Более того, происходит обратный процесс: вперед выдвигаются фигуры, вокруг которых происходит социальная консолидация: «Их личность формирует социальную базу... В центре их кампании находится не программа, но личность, которая в обществе индивидов помогает избирателям самоидентифицироваться»¹¹. Понятие популизма возникает здесь вполне закономерно: либеральная демократия приходит в упадок, но демократическая политическая культура сохраняется. Под ударом популизма оказывается не только исполнительная власть на национальном уровне, которая утратила представление об общем благе и демократическую санкцию на управление, но и ее «второй этаж» в виде единых европейских институтов, и без того испытывавших серьезные проблемы с легитимностью.

«Кризис демократической легитимности в Европе сегодня, – пишет Э. Балибар, – это, таким образом, одновременно результат того, что у национальных государств больше нет ни средств, ни воли для того, чтобы защищать или обновлять «социальный контракт», и следствие того, что институты Европейского союза не имеют никакого желания искать форму и содержание социальной гражданственности на более высоком уровне»¹². Правые популисты не только реагируют на вызов «одержимости идентичностью», которую испытывает современное европейское общество. В ответ на

10 Balibar E. Un nouvel élan, mais pour quelle Europe? URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/2014/03/BALIBAR/50208> (Accessed 31.03.2017)

11 Pierre Rosanvallon: les propos de Fillon «marquent un tournant populiste dans la campagne». URL: http://www.lemonde.fr/affaire-penelope-fillon/article/2017/03/02/pierre-rosanvallon-les-propos-de-francois-fillonmarquent-un-tournant-populiste-dans-la-campagne-presidentielle_5088104_5070021.html (Accessed 31.03.2017)

12 Balibar E. Un nouvel élan, mais pour quelle Europe? URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/2014/03/BALIBAR/50208> (Accessed 31.03.2017)

быструю деполитизацию общественной жизни они выдвигают лозунги «сильной власти», предполагая возвращение к государственности в ее идеально-типической форме как к механизму всеохватывающего контроля над территорией и проживающим на ней населением.

Как выйти из тупика?

Даже самые еврооптимистично настроенные представители современной французской интеллектуальной элиты признают наличие глубокого кризиса современного проекта евроинтеграции. Все они живо реагируют на те бурные события, которые сопровождают его на протяжении последних лет. Провал референдума по вопросу о принятии конституции ЕС резко поднял градус дискуссии. Французские сомнения по поводу перспектив евроинтеграции тогда хорошо обобщил П. Розанваллон: «Проект, на который сделал ставку Франсуа Миттеран, столкнувшись с уменьшением международной роли Франции, [объединенная] Европа в конце концов стала символизировать исчезновение самой политической воли». Хотя философ, тогда еще в целом еврооптимист, делал важные оговорки, отмечая, что ЕС для французов выполнял функцию своего рода зеркала, в котором они видели недостатки собственной общественно-политической системы, ряд его коллег во французско-европейском споре встал на сторону Франции.

В своей книге, опубликованной через год после провального референдума, П. Манан выступил с развернутой критикой проекта евроинтеграции. Бессильно-му универсализму европейского сообще-

ства, потерявшего почву под ногами, он противопоставлял динамизм маленького национального государства, находящегося за пределами Европы. «Факт существования еврейского государства, – писал Манан, – заставляет европейцев признать следующее: тщетным и бессмысленным является тот гуманизм, который основан на идее полного освобождения от какой-либо ответственности перед конкретным народом» (Manent, 2006, p. 92). Израиль воплощает собой все те атрибуты национального государства, от которых отказываются в Старом Свете: силу, легитимное насилие, национальный дух, политическую власть. Европа прячется от ответственности, «теряясь в толпе, сама превращаясь в толпу». Риторический вопрос Манана звучит приговором современной евроинтеграции: «Кто может жить в человеческом мире, лишённом всякой формы?»

Провал референдума 2005 г. привел к настоящему взлету евроскептицизма левых интеллектуалов. В отличие от либералов П. Розанваллона и П. Манана их в первую очередь волновало превращение ЕС в механизм углубления глобализации. Историк и демограф Э. Тодд непосредственной причиной победы противников европейской Конституции назвал «отчуждение рабочих и народных масс от господствующего класса»¹³. С острой критикой единой европейской валюты выступил экономист Ж. Сапир. Впрочем, на перспективы евро неоднозначно смотрят едва ли не все французские интеллектуалы. Умеренный евроскептик П. Манан констатирует, что «Франция стала узницей евро, принятие которого является фундаментальным недостатком европейской конструкции. Мы создали единую валюту для сообщества, которое не

13 Emmanuel Todd: "Rien ne sépare les enfants d'immigrés du reste de la société". URL: http://www.lemonde.fr-societe/article/2005/11/29/emmanuel-todd-rien-ne-separe-les-enfants-d-immigres-du-restede-la-societe_709613_3224.html#9arEFFFFSobOUAxb.99 (Accessed 31.03.2017)

существовало, рассчитывая, что факт ее наличия заставит нас это сообщество построить. Но евро, скорее, разделяет нас, так как связывает, но не объединяет»¹⁴.

Политические и экономические трудности евроинтеграции привели к знаменитому явлению – фактическому смыканию во Франции правого и левого евроскептицизма интеллектуалов. В 2012 г. греческий финансовый кризис вновь накалил дискуссию. Крупнейший левый философ Э. Балибар утверждал, что Греция является наглядным примером банкротства современного европейского проекта: вместо выравнивания экономических условий и равноправной интеграции страну ввергли в хаос. «Столь упорное заблуждение, – отмечал Балибар, – может быть вызвано только абсолютной некомпетентностью, идеологическим ослеплением и фанатизмом, противостоянием очень мощных интересов, макиавеллиевским расчетом той выгоды, которую удастся извлечь из «стратегии катастрофы»... или, скорее, комбинацией всего этого» (Balibar, 2012/3, p. 50).

К началу миграционного кризиса в 2015 г. французское интеллектуальное сообщество в массе своей уже было мобилизовано против ЕС в его нынешнем виде. Конкретная позиция того или иного интеллектуала в вопросе о мигрантах не играла роли: поводы для критики в адрес европейского сообщества находили везде. Тот же Э. Балибар был достаточно лоялен к мерам, принятым лидерами ЕС для приема беженцев, однако не замедлил напасть на политическую верхушку сообщества и, в частности, на руководство Франции, обвинив их в пассивности и передаче решения проблемы в руки Германии. П. Манан смотрел на проблему под другим углом зрения, однако

также оставался пессимистом: вторжение ислама в лице сотен тысяч мигрантов лишь усугубляет те хронические болезни, которыми страдает единая Европа. Главная в их числе – «всеобщая дезориентация, растущая неспособность осмыслить и воспринять общий проект [развития]»¹⁵.

Литератор А. Финкелькраут, член Французской академии, в своем нашумевшем эссе «Неудачная идентичность» («L'Identité malheureuse») указывал на ключевую предпосылку миграционного кризиса. В ее трактовке он соглашался с П. Мананом: «Характеристика Европы состоит в том, что в ней нет ничего характерного. Она не видит себя в той истории, из которой вышла, ее истоки не имеют ничего общего с ее предназначением, ее предназначение состоит в том, чтобы избавиться от памяти о своих истоках, избавиться от самой себя» (Finkielkraut, 2013, p. 96). Приняв универсальные ценности в качестве фундамента политической легитимности, открывшись, таким образом, остальному миру, Европа утратила самосознание и оказалась беззащитной перед вызовом со стороны исламской культуры.

На этом фоне одобренное на референдуме решение Британии выйти из состава ЕС было воспринято во вполне определенном ключе. Сразу после того, как Брекзит стал фактом, двадцать французских интеллектуалов-евроскептиков, в их числе Ж. Сапир и П. Тибо, подписали коллективную петицию. Уже первая ее фраза раскрывала смысл их послания: «Британский народ высказал суверенную волю сохранить за собой последнее слово в решениях, которые его касаются. Это смелое и массовое волеизъявление – очевидный удар по той ложной технократической перспективе, пленником ко-

14 Pierre Manent: "Les gouvernants ne nous représentent plus, ils nous surveillent". URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/07/31/31002-20160731ARTFIG00107-pierre-manent-les-gouvernants-nous-representent-plus-ils-nous-surveillent.php> (Accessed 31.03.2017)

15 Alain Finkielkraut – Pierre Manent: la France au défi de l'islam. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/societe/2015/10/12/31003-20151012ARTFIG00232-alain-finkielkraut-pierre-manent-lafrance-au-defi-de-l-islam.php> (Accessed 31.03.2017)

торой на протяжении, по меньшей мере, трех десятилетий остается Европейский союз»¹⁶. Открыто выдвигалось требование полного пересмотра нынешнего проекта евроинтеграции в сторону усиления полномочий национальных государств.

П. Манан, также не демонстрируя сочувствия в адрес ЕС, писал о глубоких причинах Брексита. Помимо миграционного кризиса он отмечал роль особого ценностного ряда, укоренившегося среди британцев, основой которого являлся сильный национальный дух. Сказались и особые настроения британских элит: «На европейские реалии они всегда смотрели с политической и рациональной точки зрения, а не с позиции идеологии и эмоций»¹⁷. Даже если официальный Лондон выступил против Брексита, многолетняя сдержанная политика британских элит в значительной степени подготовила общественное мнение.

Велико искушение усматривать в Брексите торжество демократического начала, и левые интеллектуалы охотно ему поддаются. П. Розанваллон предупреждает о том, что популизм – это во многом антипод демократии, а референдум как форма прямого волеизъявления масс может повлечь за собой самые серьезные последствия для стабильности политических институтов. Плебисцит не должен превращаться в выплеск негативной энергии. Он полезен в том случае, если является частью демократической процедуры, осуществляющейся с опорой на институты. В любом случае Брекзит не оставил никаких

сомнений в том, что ЕС болен, и исход болезни может быть фатальным.

Вариантов спасения единой Европы осталось немного. П. Манан говорит о том, что единственное средство, которое может помочь, – это коренная реформа Союза. С его точки зрения, не остается никакой альтернативы упразднению евробюрократии. Еврокомиссия является институцией, которая в рамках многонационального сообщества в принципе не может обладать необходимой легитимностью. По его мнению, «место, где формируется общий европейский интерес, где его можно обрести, – это Европейский совет»¹⁸. Иными словами, не обойтись без децентрализации, усиления роли национальных государств, которые в диалоге могут решить наиболее насущные проблемы, стоящие перед сообществом. Фактически речь идет о том, чтобы сделать шаг назад в развитии евроинтеграции. К этой мысли склоняются и те, кто до сих пор остается умеренным еврооптимистом. Еще в 2002 г. П. Розанваллон предостерегал от форсированного углубления интеграционных процессов. Он резонно предполагал, что европейцы вряд ли готовы к принятию Конституции, и предлагал ограничиться одобрением лишь общей хартии: «Логика Конституции состоит в том, чтобы создать институты, в то время как логика хартии – это фиксация регулирующих принципов» (Rosanvallon, p. 98).

В то же время Розанваллон говорит о том, что объединенную Европу не спасти без коренного переосмысления той модели демократии, которая возникла в Старом Свете после Второй мировой войны

16 Brexit: Vingt intellectuels eurocritiques lancent un appel pour un nouveau traité. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/06/30/31002-20160630ARTFIG00290-brexit-vingt-intellectuels-eurocritiques-lancent-un-appel-pour-un-nouveau-traite.php> (Accessed 31.03.2017)

17 Pierre Manent: "Les gouvernants ne nous représentent plus, ils nous surveillent". URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/07/31/31002-20160731ARTFIG00107-pierre-manentles-gouvernants-ne-nous-representent-plus-ils-nous-surveillent.php> (Accessed 31.03.2017)

18 Pierre Manent: "Les gouvernants ne nous représentent plus, ils nous surveillent". URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/07/31/31002-20160731ARTFIG00107-pierre-manentles-gouvernants-ne-nous-representent-plus-ils-nous-surveillent.php> (Accessed 31.03.2017)

и дала сбой в последнее время. Не только евробюрократия оказывается под ударом массового протеста. Критике подвергается вся представительная политическая система, в том числе и на национальном уровне: «Граждане все менее склонны просто голосовать и предоставлять свободу действий избранным представителям. Они хотят, чтобы их мнения и интересы учитывались в более конкретном и цельном виде. Чтобы упрочить свою легитимность, власть имущие ищут новые пути для обмена мнениями и обратной связи с электоратом. Ни одно правительство не считается легитимным, если оно не готово спорить и отстаивать правоту своей политики... Идея вездесущего государства, способного всем управлять сверху с опорой на рациональное начало, рассматривается как утопическая и более недостоверная» (Rosanvallon, 2008, p. 296).

Европейцам сегодня нужно пройти по тонкой грани между скатыванием в популизм и созданием новой, открытой системы демократии участия, в которой массы будут играть более активную роль, чем в недавнем прошлом. Альтернативы у них нет. Э. Балибар ставит ЕС в его нынешнем виде окончательный диагноз – Союз не спасти без его полной перестройки. Метод Монне, основная идея которого заключается в использовании «общих экономических интересов, чтобы добиться создания политической постнациональной формы», больше не действует. Без формирования политической общности или хотя бы ее прообраза единая Европа не выживет. И Балибар приходит к тому же выводу, что и Розанваллон: «Необходимо создать политическую (а не только юридическую) форму, которая соединяла бы социальную власть и дееспособность правительства в условиях неопределенности с максимальным расширением

сферы реализации демократической конфликтности и возможности выражения разнонаправленных тенденций внутри европейского общества – самим условием легитимности» (Balibar, p. 59).

Один из британских комментаторов назвал Брекзит «английским делом Дрейфуса». Если эта аналогия верна, то ее можно применить и к французам. Большинство французских интеллектуалов сегодня окончательно разошлись в вопросе об отношении к проекту евроинтеграции, который успел превратиться в один из аспектов их политической самоидентификации. Не случайно нашумевший в свое время манифест историка и философа Д. Линденберга, в котором значительная часть французских интеллектуалов обвинялась в реакционизме и отступлении от идеи «открытого общества равных», специально акцентировал европейскую проблематику (Lindenberg, 2002). В глазах части интеллектуалов и ведомой ими общественности ЕС, несмотря на все неудачи проекта, до сих пор является безальтернативным для Франции ответом на вызовы эпохи глобализации. Евроинтеграция для них тождественна прогрессу, а вне прогресса у современного общества нет перспективы. Нет ничего хуже отказа от включения в процессы глобального развития. Весь пафос возмущения французских еврооптимистов через два дня после Брекзита выразил главный редактор газеты «Либерасьон» Л. Жоффрен: «Британцы говорят, что хотят стать свободной нацией, но они хотят быть закрытой нацией»¹⁹.

Их оппоненты в массе своей разочарованы современным прогрессом и тем, что он принес Франции. Подрыв экономических сил страны, деградация политической элиты, активно стремящейся

19 Joffrin L. Brexit: l'écran de fumée souverainiste. URL: http://www.liberation.fr/planete/2016/06/27/brexit-l-ecran-defumee-souverainiste_1462431 (Accessed 31.03.2017)

«глобализироваться», распад общественного организма, который больше не в силах сохранять культурное единство и интегрировать мигрантов, размывание самого «французского образа жизни» – все это является олицетворением для них нынешнего Европейского союза во главе с брюссельскими технократами. «Можно сделать вывод, – отмечает С. Хазаринг, – что новое размежевание между уверенной нацией и встревоженной нацией заменило собой старые разделения на классы, конфессии, идеологии и различные варианты региональной идентичности» (Hazareesingh, p. 265). Франция стоит перед судьбоносным историческим выбором, который определит траекторию развития страны в XXI в. Сможет ли интеллектуальное сообщество страны, которое сегодня расколото, консолидироваться перед лицом этого вызова? Этот вопрос остается открытым.

Список литературы

- Больш Н. (2014). *Размышление о неравенстве. Анти-Руссо*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 272.
- Гайдено П.П., Давыдов Ю.Н. (2010). *История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс*. Москва: URSS. 368.
- Манан П. (2004). *Общедоступный курс политической философии*. Москва: Московская школа политических исследований. 336.
- Розанваллон П. (2015). *Демократическая легитимность. Беспристрастность, рефлексивность, близость*. Москва: Московская школа гражданского просвещения. 304.
- Розанваллон П. (2014). *Общество равных*. Москва: Московская школа гражданского просвещения. 416.
- Тибо П. (2007). Безвольный прагматизм (Какой курс нужен Европе?). *Свободная мысль*, (1). 45–48.
- Токвиль А. де. (1992). *Демократия в Америке*. Москва: Прогресс. 554.
- Balibar E. (2012). De la crise grecque à la refondation de l'Europe? *Lignes*, 39 (3). 48–59. DOI: 10.3917/lignes.039.0048
- Barrès M. (1925). *Scènes et doctrines du nationalisme*. Vol. 1. Paris: Plon. 294.
- Blum L. (1971). *A l'échelle humaine*. Paris. 191.
- Finkelkraut A. (2013). *L'Identité malheureuse*. Paris: Stock. 240.
- Gauchet M. (2010). *A l'épreuve des totalitarismes. 1914–1974*. Paris. 672. DOI: 10.14375/np.9782070786244
- Gauchet M. (2014). *La crise du libéralisme. 1880–1914*. Paris. 320. DOI: 10.14375/np.9782070458844
- Gilles D. (1992). Jean-Marc Ferry et Paul Thibaud. Discussion sur l'Europe. *Compete rendu. Politique étrangère*, 57 (4). 949–950.
- Hampson N. (1968). *The Enlightenment*. London: Penguin. 304.
- Hazareesingh S. (2015). *How the French Think: An Affectionate Portrait of an Intellectual People*. New York: Basic Books. 352.
- Lapparent O. de (2009). L'identité européenne selon Raymond Aron: entre mythe et réalité. *Relations internationales*, 140 (4). 37–51. DOI:10.3917/ri.140.0037
- Lindenberg D. (2002). *Le Rappel à l'ordre: Enquête sur les nouveaux réactionnaires*. Paris: Le Seuil. 94.
- Manent P. (2006). *La Raison des nations. Réflexions sur la démocratie en Europe*. Paris: Gallimard. 112.
- Manent P., Paoli P.-F., Crépu M. (2011, Janvier). L'Europe évoque un empire sans empereur. *Revue des Deux Mondes*. 51–83.
- Rosanvallon P., Goldhammer A. (2008). *Counter-democracy. Politics in an Age of Distrust*. Cambridge: Cambridge University Press. 350. DOI: 10.1017/CBO9780511755835.020
- Rosanvallon P. (2002). Le déficit démocratique européen. *Esprit*, 288 (10). 87–100.
- Winock M. (1997). *Le siècle des intellectuels*. Paris: Le Seuil. 695.

References

Bol'c N. (2014). *Thoughts on Inequality. Anti-Russo*. Moskva: Izd. dom Vyshej shkoly jekonomiki. 272.

Balibar E. (2012). De la crise grecque à la refondation de l'Europe? *Lignes*, 39 (3). 48–59. DOI: 10.3917/lignes.039.0048

Barrès M. (1925). *Scènes et doctrines du nationalisme*. Vol. 1. Paris: Plon. 294.

Blum L. (1971). *A l'échelle humaine*. Paris. 191.

Finkelkraut A. (2013). *L'Identité malheureuse*. Paris: Stock. 240.

Gajdenko P.P., Davydov Ju.N. (2010). *History and Rationality: Max Weber's sociology and Weber Renaissance*. Moskva: URSS. 368.

Gauchet M. (2010). *A l'épreuve des totalitarismes. 1914–1974*. Paris. 672. DOI: 10.14375/np.9782070786244

Gauchet M. (2014). *La crise du libéralisme. 1880–1914*. Paris. 320. DOI: 10.14375/np.9782070458844

Gilles D. (1992). Jean-Marc Ferry et Paul Thibaud. Discussion sur l'Europe. *Compete rendu. Politique étrangère*, 57 (4). 949–950.

Hampson N. (1968). *The Enlightenment*. London: Penguin. 304.

Hazareesingh S. (2015). *How the French Think: An Affectionate Portrait of an Intellectual People*. New York: Basic Books. 352.

Lapparent O. de (2009). L'identité européenne selon Raymond Aron: entre mythe et réalité. *Relations internationales*,

140 (4). 37–51. DOI:10.3917/ri.140.0037

Lindenberg D. (2002). *Le Rappel à l'ordre: Enquête sur les nouveaux réactionnaires*. Paris: Le Seuil. 94.

Manent P. (2006). *La Raison des nations. Réflexions sur la démocratie en Europe*. Paris: Gallimard. 112.

Manent P., Paoli P.-F., Crépu M. (2011, Janvier). L'Europe évoque un empire sans empereur. *Revue des Deux Mondes*. 51–83.

Rosanvallon P., Goldhammer A. (2008). *Counter-democracy. Politics in an Age of Distrust*. Cambridge: Cambridge University Press. 350. DOI: 10.1017/CBO9780511755835.020

Rosanvallon P. (2002). Le déficit démocratique européen. *Esprit*, 288 (10). 87–100.

Rozanvallon P. (2015). *Democratic Legitimacy. Impartiality, Reflexivity, Proximity*. Moskva: Moskovskaya shkola grazhdanskogo prosveshcheniya. 304.

Rozanvallon P. (2014). *The Society of Equals*. Moskva: Moskovskaja shkola grazhdanskogo prosveshhenija. 416.

Tibo P. (2007). Absolute Pragmatism (What Kind of Policy does Europe Need?). *Svobodnaya mysl'*, (1). 45–48.

Tokvil' A. de. (1992). *Democracy in America*. Moskva: Progress. 554.

Winock M. (1997). *Le siècle des intellectuels*. Paris: Le Seuil. 695. Manan P. (2004). *Public Course in Political Philosophy*. Moskva: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 336.

Информация об авторе

ВЕРШИНИН Александр Александрович, кандидат исторических наук, преподаватель, Исторический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ломоносовский просп., 27-4, Москва, Российская Федерация, 119192
averchinine@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5206-8013

About the author

Alexander A. VERSHININ, Cand. Sci. (Hist.), lecturer, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

27-4, pr. Lomonosovskiy, Moscow, Russian Federation, 119192
averchinine@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5206-8013